

Александр Зеленский
Орден Белого Орла

«ВЕЧЕ»

Зеленский А. Г.

Орден Белого Орла / А. Г. Зеленский — «ВЕЧЕ»,

Люди сами выбирают свои судьбы, хотя зачастую и не знают, к чему их выбор приведет. Некто Телегин и подозревать не мог, что бизнес, связанный с «черными археологами», сведет его с иностранными спецслужбами.

Содержание

Буров	5
Телегин	7
Буров	9
Булавин	10
Буров	13
Телегин	14
Буров	17
Мазурин	19
Буров	21
Прохоров-Мозоль	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Зеленский

Орден Белого Орла

Буров

Свободный от приема пациентов день врач-экстрасенс Буров решил посвятить написанию давно обещанной статьи для научного журнала. Однако он продвинулся не слишком далеко, поскольку в прихожей прозвучал звонок.

– Кто там? – спросил Буров, заранее поспав про себя пришедшего к черту.

– Откройте, милиция! – прозвучал мужской голос.

Виталий Севастьянович за собой никаких грехов не ведал и потому спокойно открыл дверь. На лестничной площадке обнаружилась группа людей, среди которых он знал только двоих. Первым был участковый инспектор старший лейтенант милиции Каблуков, которому Буров однажды помог перевоспитать потомственного алкоголика и буйного хулигана Ниточкина, наводившего страх на всю округу. Второй была дворничиха по имени Алла, которая заочно училась в Институте кинематографии на киноведческом факультете и работала в местном домоуправлении.

– Гражданин Буров Виталий Севастьянович? – спросил капитан милиции, возглавлявший всю эту группу.

– Да.

– Прошу принять участие в санкционированном обыске в квартире гражданина Телегина в качестве понятого. Сразу же предупреждаю вас, что вы имеете полное право отказаться от этого следственного действия, но это, замечу, не в ваших интересах. Зачем вам неприятности?

Подумав, что неприятности ему действительно ни к чему, а процедура обыска у Телегина, жившего двумя этажами выше, скорее всего, много времени не займет, Буров согласился.

Капитан милиции назвал:

– Следователь РОВД Стороженко. Вы, Виталий Севастьянович, и вы, Алла Борисовна, предупреждаетесь об ответственности за разглашение данных предварительного следствия.

– А что мы должны будем делать? – любопытствовала Алла.

– Только присутствовать в течение всего обыска и внимательно наблюдать за ходом всего следственного действия...

Говоря откровенно, Телегина из квартиры номер 320 Буров толком и не знал, видел два-три в месяц и отвечал на его поклоны. Жил Телегин тихо, соседи на него не жаловались. Да и вообще этот человек производил впечатление делового живчика, в вечной суете и спешке стремившегося объять необъятное – всюду попасть и везде поспеть. Но надо было видеть физиономию этого Телегина, когда он услышал об обыске! Его буквально перекосило от злости и страха. Однако он сумел взять себя в руки и боязливо проблеял:

– Предъявите ордер...

– Пожалуйста. – Стороженко протянул Телегину постановление, подписанное прокурором. – Можете ознакомиться. После этого вы вправе сделать любое заявление, которое мы занесем в протокол.

– Какие там заявления, – возвращая ордер, простужено прогундосил Телегин. – Никаких заявлений не будет. Коли в чем подозреваете, то ищите, вольным воля!..

– Значит, вы отказываетесь от добровольной выдачи похищенного? – снова задал вопрос следователь.

– Ничего не знаю и не ведаю! Никогда ни у кого не крал...

– Тогда приступим к делу, – кивнул Стороженко сотрудникам, а сам, пройдя в гостиную, уселся за стол и открыл свой портфель.

Телегин молча курил сигарету за сигаретой, а Буров зачем-то диагностировал его на расстоянии, применяя свою уникальную методику, как будто тот был его пациентом и ему необходима была консультация врача-экстрасенса.

«Э, да у тебя, друг любезный, налицо все признаки базедовой болезни, а поскольку ее провоцируют главным образом психические переживания, постоянные стрессы, значит, не так уж безоблачна и спокойна твоя жизнь».

Все дело в том, что доктор Буров обладал даром экстрасенсорного восприятия действительности. Откуда у него этот дар появился? Это долгий рассказ. Еще в те благословенные дни, когда учился он в медицинском институте, его однажды «постигла кара небесная», и это в прямом, а не в переносном смысле. Рядом с ним взорвалась шаровая молния, та самая молния, о которой наши ученые до сих пор имеют весьма поверхностное представление. Буров же после той катастрофы обнаружил способности получать информацию почти на любые свои вопросы прямо из энергоинформационного поля нашей планеты. Стоило ему только сказать про себя три заветных слова: «Готов принять истину!», как тут же, словно компьютерный файл, перед ним открывалась одна-единственная страничка со словом: «Спрашивай». И больше ничего. Оставалось только задать вопросы...

Один из оперов – высокий уса́тый парень – прервал размышления врача и пригласил его и Аллу пройтись по «телегинским хоромам». Они и впрямь заслуживали такого названия. Все пять комнат были заставлены мебельными гарнитурами лучших итальянских фирм. Гостиную украшала мебель фирмы «Турри» из дорогих пород дерева, сочетавшаяся с мраморными скульптурами. В других помещениях мебель, произведенная фирмами «Медеа» и «Гарофоли», окончательно убедила Бурова, что Телегин не зря суетился в этой жизни, кое-что стоящее он действительно приобрел. Один только спальный гарнитур в дальней комнате, созданный знаменитой «ОАК», сам по себе тянул на целое состояние.

У Аллы от всей этой шикарной обстановки глаза вообще вылезли из орбит, и она стала похожа на школьницу, впервые пришедшую на выставку модного художника и увидевшая там «ню»...

Буров не ожидал, что по соседству с ним проживает настоящий Крез. Подумав об этом, врач внимательнее пригляделся к Телегину. Почему-то очень захотелось пообщаться с ним на уровне «информационного поля», что он и не преминул выполнить, вызвав в своем воображении образ хозяина квартиры и задав ему вопрос: «Что тебя тревожит сейчас?» Ответ не заставил себя долго ждать...

Телегин

...О том, что обыкновенный фельдшер «скорой помощи» Валерий Булавин неожиданно разбогател, я проведал от одного из своих мальчишек-информаторов, тринадцатилетнего Вадика, к имени которого дворовая пацанва за постоянный насморк добавила прозвище Шмыга. Вадик-Шмыга обожал наличные и, прежде чем сообщить мне что-то интересное из жизни семей несовершеннолетних подведомственного ему района, всегда предварительно обдумывал примерную стоимость информации. Вот и при той нашей встрече он, шмыгнув носом, заявил:

– Новость обойдется вам в сто баксов.

– Рассказывай, – кивнул я.

– На улице Обручева в доме тридцать девять проживает один докторишка-фельдшеришка по фамилии Булавин. У него имеется младший братец Алешка – восьмилетний сопляк. Он-то и имел глупость похвастаться вчера перед своими дружбанами, что брат Валерик притаранил домой целую шкатулку старых орденов, и даже показал им какой-то облезлый крест, на котором сзади видна надпись: «Измаил взят декабря 11 1790...»

– Может, в той шкатулке и был только этот крестик, – сказал я, сделав вид, что это сообщение меня не интересует.

– Аванс! – тут же потребовал юный вымогатель, и мне пришлось раскошелиться на десять долларов, после чего он продолжил: – Нет, там было полно всяких орденов! Я о таких и слыхом не слыхивал. Например, на одном из них в самом центре есть слова «Польза, честь и слава», а на другом не по-нашему написано и при нем имеется какой-то красный с белым крестик прямо на двуглавом орле с короной...

– Ладно-ладно, будем считать, что твое сообщение не полная лажа. Вот тебе еще десять долларов, а остальные получишь после моей проверки. Может быть, даже добавлю... Так в какой квартире, ты говоришь, живет этот самый Булавин? В пятьдесят пятой? Ладно, служи дальше, и я тебя не забуду...

На самом деле меня очень заинтересовало сообщение Вадика-Шмыги, и потому, придя домой, я тут же подошел к книжной полке и отыскал справочник по старым российским орденам, из которого и узнал, что самым первым в России по приказу самого Петра Великого был учрежден орден Святого Андрея Первозванного. Всего же Петр при жизни учредил два ордена, а уже к 1917 году в России существовало восемь орденов, несколько десятков медалей и множество коллективных наград, жалуемых целым воинским подразделениям за особые боевые заслуги. Судя по тому описанию, которое дал мне Вадик, у Булавина находились по крайней мере два очень дорогостоящих ордена, и, скорее всего, одним из них был орден Святого равноапостольного князя Владимира первой степени и старейший польский орден Белого Орла, восстановленный Александром I в 1815 году, когда Королевство Польское было присоединено к Российской империи. Да только за эти две побрякушки их нынешнему держателю Булавину можно было отвинтить башку! Нельзя такие дорогие вещи хранить дома, ведь это музейные редкости, требующие особой системы охраны...

В общем, через пять минут я созвонился с Пашкой Прохоровым, которого в наших кругах гораздо лучше знают по кличке Мозоль, и назначил ему встречу у «Гастронома», что на нашем кодовом языке означало: «Встретимся в пивном ресторане в Парке культуры и отдыха в 18.00».

Встреча состоялась, как я и планировал, несмотря на то, что на улице шел проливной дождь. Мозоль, дожидаясь меня, назаказывал пять кружек пива и сам же их все вылакал...

– Есть дело, – сказал я Пашке, когда выпил первую кружку. – Шкатулка со старинными орденами в жилой квартире дома на улице Обручева. В однокомнатной квартире проживают

двое – фельдшер Булавин и его младший брат, школьник Алеша. Как обычно, понаблюдай за их распорядком дня, заранее подумай, где он может хранить ценности и...

– Не учи ученого, папашка, – прохрипел Мозоль, отдуваясь после шестой кружки. – Будет тебе шкатулка, не сомневайся...

Я внимательно посмотрел на Мозоля и про себя отметил, что от интеллигентного студента-историка, каким был Пашка еще несколько лет назад, когда мы познакомились, ровным счетом ничего не осталось. Передо мной сидел опустившийся забулдыга, готовый пойти на любое преступление, если оно сулило хороший куш. Так я подумал. И ошибся. Он оказался способен на большее...

* * *

...Пашка-Мозоль вместе с рябым подельником поджидал Булавина в его подъезде. Когда тот, возвращаясь после ночного дежурства, открыл дверь своей квартиры, Мозоль оглушил его электрошоковой дубинкой и, приказав рябому втащить бесчувственное тело в прихожую, стал неторопливо и методично обследовать квартиру. Шкатулку с орденами он обнаружил в шкафу под стопкой постельного белья, принесенной из прачечной. Полюбовавшись на сверкавшие бриллиантами кресты и восьмиугольные звезды, закрыл шкатулку и положил ее в полиэтиленовый мешочек.

– Сматываемся, – сказал он подельнику, сторожившему хозяина квартиры, все еще находившегося в отключке.

Буров

Когда Булавин пришел в себя и понял, что доверенные ему ценности исчезли, то первым делом позвонил в милицию. Милицейская группа прибыла через пятнадцать минут, но преступников, естественно, уже и след простыл. Милиционеры только предложили Булавину описать как можно подробнее похищенные ордена, что Валерий тут же и сделал.

Собственно, весь этот эпизод нападения на Булавина на пороге его квартиры и дальнейшие события разворачивались перед внутренним взором врача-экстрасенса уже после того, как замолчал голос Телегина. И это для Бурова было в новинку. Обычно информацию он мог получить только через контакт с какими-нибудь вещами или предметами, которыми пользовались те или иные интересующие его люди. Они, не ведая того, оставляли на этих вещах довольно устойчивый «видеоряд» своих дел, разговоров, а иногда даже и мыслей. В данном же случае эпизод ограбления квартиры почему-то был «показан» без каких-либо специальных усилий с его стороны. А это означало, что где-то рядом находится человек, знавший о происшедшем все подробности. Он только что «прокрутил» их в своей памяти.

И тут Буров вспомнил, что один из приглашенных в квартиру Телегина для обыска был очень похож на потерпевшего Булавина. Значит, «картинка» могла исходить от него.

Буров пристальнее взгляделся в черты лица Булавина и постарался наладить прямую связь с его сознанием, чтобы выяснить главный вопрос: как ордена попали к нему?

Вопрос не остался без ответа, и внутри его черепной коробки зазвучал голос Валерия Булавина...

Булавин

...Все началось с вызова к больному восьмидесяти пяти лет из микрорайона Митино. Я как раз немного расслабился под радио «Ностальжи», крутившее на своей частоте французскую песенку в исполнении дуэта Жана-Луи Мюра и Милен Фармер. И потому не сразу ответил на вызов диспетчера по рации, за что получил вполне справедливый нагоняй.

В общем, заказ я принял и сказал водителю медицинского «рафика» Олегу, чтобы он включал сирену и мигалку и гнал вперед.

Минут через двадцать мы были на месте, и я, прихватив медицинский чемоданчик с аптечкой доврачебной помощи, поднялся в лифте на пятнадцатый этаж башни-новостройки.

Дверь в квартире номер 237 оказалась распахнутой настежь, и я вошел в просторную прихожую без звонка.

– А вот и доктор приехал, – успокоительно проговорила пожилая дама с болезненным желтым лицом, выходя из комнаты. – Проходите сюда! Я соседка из 236-й квартиры. Возвращаюсь я, значит, из магазина, а на лестнице сидит вот этот пожилой мужчина и устало спрашивает меня, не знаю ли я, где находится Лена Троицкая, хозяйка квартиры. А как же мне, значит, этого не знать, если Лена даже запасные ключи мне доверяет. Она, отвечаю, уехала с подружкой отдыхать в Сочи. Вернется дней через десять, не раньше.

«А она разве не получала телеграмму из Франции?» – спрашивает старичок опять, а самому, чувствую, плохо, он даже на ногах стоять не может.

«Я не знаю, – говорю. – Мне она не докладывала».

«Я прадед Лены, – представился наконец он. – Зовут меня Максим Семенович. Я очень долгое время жил вдали от родины и не имел известий от своих родных и близких из России. Но мои московские друзья помогли узнать адрес правнучки, и я написал ей письмо о том, что собираюсь приехать к ней в гости, а заодно напоследок взглянуть на город, где родился и откуда юнцом-юнкером уехал в 1917 году...»

«Все ясно! – сказала я. – Значит, Лена и не могла получить ваше послание. Она уже две недели как уехала на курорт».

«Что же мне теперь делать? Я тут еще прихворнул в дороге. Мне очень нужно повидать Лену – это вопрос жизни и смерти...»

«Ясное дело, не буду же я держать вас на пороге Лениной квартиры. Она и сама бы мне этого не простила. Я вам дам ключ, и живите здесь, пока она не вернется».

«Большое спасибо!»

– Все бы хорошо, – продолжила свой рассказ соседка, – да вот дедушке стало совсем невмоготу. Уже дважды «скорую» вызывали! Но ваши коллеги, молодой человек, только плечами пожимают. Говорят, что дедушка нетранспортабелен. Укол сделают и уезжают. Нет бы человека в больницу отвезти...

– Не волнуйтесь, бабуля, посмотрим, чем можно помочь Максиму Семеновичу. Сделаю все возможное! – заверил я пожилую даму, и потом сам же пожалел, что наобещал невозможного.

Троицкий – маленький, тщедушный старичок, исхудавший до невозможности, – был болен неоперабельным злокачественным новообразованием четвертой стадии. Мне ничего не оставалось, как только сделать ему инъекцию морфия, чтобы хоть как-то облегчить на некоторое время его муки.

И вот, когда Троицкому стало немного полегче, он попросил меня выслушать его.

«Видимо, я уже не смогу дождаться приезда правнучки, а я должен ей передать очень важное сообщение. Она должна унаследовать большие ценности, но не в деньгах, а, так сказать, в материальных благах – драгоценностях, если хотите... Короче говоря, я приехал сюда,

чтобы взять из тайника на Пятницком кладбище хранившиеся там все эти десятилетия коллекционные российские ордена, принадлежавшие некогда моему отцу, Семену Матвеевичу, купцу первой гильдии. Он не пожелал уехать за рубеж и погиб в Самаре голодной смертью в двадцатом... Только совсем недавно мне передали прощальное письмо от него, в котором только мне понятными знаками было зашифровано сообщение о тайнике под одной из могильных плит родового захоронения семейства знаменитых русских актеров Щепкиных-Куперников на Пятницком кладбище в Москве. Мне некому было сообщить об этом, и я, несмотря на недомогание, отправился в Россию и лично убедился, что ордена лежат все еще на том месте, где спрятал их мой отец. Я побоялся изымать их и везти с собой, ведь я могу скончаться в любой момент. Надо, чтобы Лена сама взяла ордена. Они теперь принадлежат ей. Она должна сделать это побыстрее! Я узнал, что кладбище собираются перепланировать, и тайник может быть уничтожен. Поэтому ордена нужно забрать срочно. Возьмите их из тайника сами и передайте Лене. Она... знает... как... поступить с ними!..»

Последние слова дались Троицкому с большим трудом. Произнеся их, он потерял сознание и через час скончался. Мне осталось только выполнить свой скорбный долг, вызвав к постели умершего старшего врача смены для того, чтобы он официально констатировал смерть пациента, и сообщить об умершем в местное отделение милиции...

На Пятницкое кладбище, что находится неподалеку от метро «Рижская», я отправился ранним утром следующего дня. К шести часам я подходил к еще закрытым воротам церковной ограды. Но я знал, что на территорию кладбища можно проникнуть и через «черный ход», то есть воспользовавшись обыкновенной дыркой в заборе...

Конечно, найти нужное захоронение в любом некрополе – дело, заведомо обреченное на неудачу, если ты не знаком с кем-нибудь из местной администрации. К сожалению или к счастью, у меня таковых знакомых не имелось, но было другое неоспоримое преимущество: это кладбище я неплохо знал еще с детских лет, поскольку здесь были похоронены мои отец с матерью.

Семейная усыпальница Щепкиных-Куперников, где последнее захоронение было сделано в самом начале двадцатого столетия, находилось примерно через два участка от могил моих родных. Оказавшись возле усыпальницы прославленных русских актеров, я вдруг почувствовал какое-то недомогание, точно из меня внезапно выкачали всю энергию. Ноги стали ватными, руки плетью бессильно повисли вдоль туловища, глаза сами собой закрылись, и я без чувств рухнул на песок с гравием, которым были усыпаны дорожки между обомшелыми надгробными стелами.

Пришел в себя буквально через минуту и тут же вскочил на ноги, стряхивая песок с брюк. Что со мной произошло? Необходимо проверить собственный организм, пройти всестороннее медицинское обследование. А может, то была просто обыкновенная усталость после суточного дежурства?

Так и не найдя ответа на эти вопросы, я присел в изнеможении на скамейку и стал размышлять, где же могут быть спрятаны ордена, о которых говорил перед смертью Троицкий. К сожалению, он не успел объяснить мне, как найти точное место тайника, а искать наобум возле десятка надгробий, находившихся в этой ограде, было делом долгим. Да и кто позволит мне этим заниматься? Я слышал, что на городских кладбищах из-за участившихся случаев святотатств теперь постоянно дежурили работники милиции...

Надо сказать, что когда я потерял сознание, то, падая, довольно сильно стукнулся лбом о бордюрный камень цветника и теперь невольно потер это место пальцами. В тот же миг будто что-то щелкнуло у меня в мозгах, и я совершенно точно увидел рядом с собой фигуру пожилого человека, лицо которого чем-то напоминало Максима Семеновича Троицкого. Но это был определенно не он. Да и одежда у этого человека была скроена не по современной моде. Шляпа-канотье, костюмная пара с поддевкой, желтые ботинки...

Человек прошел совсем рядом со мной, но у меня почему-то не возникло желания окликнуть его. Настороженно оглядевшись, он прошмыгнул к самой дальней стеле и, присев на корточки, что-то спрятал под фундаментом. На меня он попросту не обращал внимания, как будто меня там и не было.

Потом, вытирая руки, странный человек быстро вышел из ограды и... исчез, словно растворился в воздухе. Призрак, да и только.

«Какая-то чертовщина», – подумал я, но все же решил проверить подсказку призрака. Зайдя за самый старый надгробный памятник, я тоже присел на корточки и внимательно осмотрел фундамент стелы. На первый взгляд, здесь ничего не было, но стоило мне пощупать рукой кирпичи, как тут же один из них совершенно свободно отделился от общей цементной кладки. В образовавшуюся щель я просунул руку чуть ли не по самое плечо и нащупал там какой-то сверток. Я убрал сверток в сумку и поспешил прочь от этого места.

Дома я развернул старую дерюжку, в которой оказалась старая же деревянная шкатулка с металлическими уголками. Когда я выложил на стол содержимое шкатулки и стал внимательно изучать отлично сохранившиеся ордена, сзади ко мне потихоньку подкрался проснувшийся младший братец Алешка и восхищенно ахнул:

– Где ты это раздобыл?! Это же для игры в войнушку незаменимые вещи...

– Не выдумывай! – строго прикрикнул я на братца, лихорадочно придумывая что-нибудь правдоподобное для отвода глаз, но в голову ничего не приходило, и тогда я брякнул: – Это я на улице нашел. Иду, а оно валяется...

– Ври больше, – сказал Алешка. – Такие вещи под ногами давно не валяются. Чур, вот этот крестик будет мой!

– Бери, только отстань, – отмахнулся я от брата, а когда он, зажав в кулаке офицерский крест, попытался похитить из горки драгоценностей еще и звезду Святого Александра Невского, я не выдержал и прогнал его.

Оставшись один, я рассмотрел наградные реликвии более внимательно. В шкатулке оказалось пять восьмиугольных звезд с бриллиантами, столько же крестов к ним и штук семь разных офицерских крестиков. Я тут же решил сделать их опись. На всякий случай...

Буров

...Оперуполномоченные уголовного розыска продолжали методично простукивать стены, ощупывать пухлые перины и подушки, заглядывать в ящики шкафов и супермодных мебельных стенок. Наличные деньги в различных валютах, в том числе и в российских рублях, сваливали прямо на стол перед следователем, и он теперь, шурша купюрами, раскладывал их по принадлежности к той или иной стране. Однако по всему чувствовалось, что не деньгами интересовались оперы и следователь, да и сам Телегин особого беспокойства пока не выказывал.

Теперь-то Буров понимал, чего опасался Иван Николаевич больше всего. Он боялся, что у него отберут старинные ордена, запрятанные где-то здесь, в квартире. В этом врач теперь не сомневался. Однако лично Бурова в данный момент больше интересовали взаимоотношения, сложившиеся у Телегина с Пашкой-Мозолем, которому Иван Николаевич давал поручения весьма деликатного свойства – ограбить квартиру, например... Что же это за дружба между ними такая?

Буров вновь остановил свое внимание на Телегине и вызвал его фантомного двойника на откровенность...

Телегин

– ... Дело с экспроприацией выгорело, – пошутил Мозоль при нашей очередной встрече в пивном ресторане. – Получите по счету!

Он передал мне поцарапанную шкатулку с местами облупившейся краской от некогда яркой росписи.

– Там все регалии на месте? – подозрительно спросил я, не рискуя открывать шкатулку в этом продымленном вертепе.

– Обижаешь, хозяин! – скорчил оскорбленную физиономию Мозоль. – У Пашки всегда все тип-топ, как в гробнице Тутанхамона...

– Проверю, – предупредил я. – Не здесь, а дома...

– Когда-то, Иван Николаевич, вы, извините, заглывали любую наживку, какую я только вам поставлял, не принимались...

– Да, были времена, а теперь моменты... Только ведь и ты, друг ситный, был куда честнее. Студент, увлеченный археологией. Ты помнишь, как мы с тобой познакомились?

– Еще бы! Я тогда с Витькой-Шприцем дьяковскую культуру копал рядом с музеем «Коломенское»... Помнится, вы на наших находках хорошо руки погрели!..

– Это было самым началом нашего совместного бизнеса, – улыбнулся я приятным воспоминаниям. – Меня тогда поперли из армии, сказав, что я не имею перспектив по службе. Мол, тебе уже за сорок, а ты все в старших лейтенантах обретаешься. А чего ж они хотели? В военно-строительных частях, как говорится, нет места подвигу, и потому выдвинуться и выслужиться там ой как нелегко!

– Правильно, – кивнул Пашка. – А рядом с «Коломенским» ваши воины жилой дом возводили, тогда-то мы с вами и познакомились.

– Все верно! Я после полочки здорово поддатый был, ну и пошел вечером со стройки через село Дьяковское. Оно тогда еще не снесено было по генпроекту застройки микрорайона у Каширского шоссе... Там-то я вас и заприметил – двух идиотов с лопатами и мешком. Вы копошились в огороде деревянного дома, предназначенного на снос.

– Ага! Вы к нам и прицепились. Говорите: «Дайте закурить!» А потом: «А что это вы тут копаете?» Мы отвечаем: «Червей для рыбалки, не видишь, что ли?»

– А сами все норовили дерюжкой укрыть находки, – усмехнулся я.

– Конечно: каждому показывать, себе что останется?

– Ладно, ладно, я же все-таки заглянул под ту дерюжку, а там какие-то черепушки, куски ржавого железа, а в самой середке настоящий меч с рукояткой, украшенной драгоценными камнями...

– Попадались в тех раскопках и дорогие вещицы, но редко, – признался Мозоль, опустошив третью по счету кружку пива. – Пожалуй, самыми дорогими оказались статуэтки из золота да еще женские украшения в виде подвесок и блях...

– За них мне потом удалось выручить немалые деньги, если помнишь... – скромно заметил я.

– Как не помнить! Весь наш антикварный бизнес с этого, по сути, и начался. Уже потом мы из любителей-гробкопателей перешли в ранг профессионалов международного класса. Но это потом. А поначалу вы профинансировали нашу первую экспедицию в Татарстан, где мы занимались раскопками так называемой ананьинской культуры. Особенно хороший навар принес нам Старший Ахмыловский могильник!.. – Пашка даже причмокнул языком.

– Кстати, ты слышал, что ваши раскопки подстегнули местных археологов? После вас на том месте было организовано раскопано тысяча сто погребений, относящихся к пятому веку до нашей эры, – просветил я Мозоля, но того трудно было чем-то удивить.

– А вы, Иван Николаевич, думаете, что я после того, как меня поперли из университета, больше ни одной книжки не прочитал? Знаю я про тот могильник. И если бы не придурок Витька-Шприц, которому не вовремя охота пришла ширнуться, и он из-за дерьмовой дозы опия золотой браслет местным барыгам продал, то хрен бы те археологи нам дорожку перебежали...

– А при чем здесь Витька? – недоуменно пожал я плечами.

– Ну как же, сучий потрох! Тех барыг загребли в ментовку, а они, само собой, настучали на Витьку и на наш промысел. Оттуда все и пошло. Сначала фельетон появился про Министерство культуры в центральной прессе, а потом и послали специальную экспедицию, организованную Институтом археологии в Москве и местными краеведами. И возле тех могильников такие милицейские посты повывставляли, что и не сунешься...

– Витька там и погиб... – горестно покачал я головой. – Хороший парень был, работяга!

– Хорошо еще, что он в руки легавых не угодил. Убежать пытался, его и пристрелили.

«Куда это Мозоль клонит?» – подумал я.

– ... Не мешало бы вам, Иван Николаевич, увеличить расценки за наш труд, за те изделия, что я для вас добываю, а то ведь инфляция, сами знаете...

Только теперь до меня дошло, чего добивался Мозоль. Действительно, благодаря его находкам, привозимым из разных поездок сначала по нашей стране, а потом и из-за рубежа, мне удалось с помощью одной крупной американской фирмы создать сеть небольших мастерских по изготовлению сувенирной продукции. Основой для моих сувениров служили самые разные изделия древних мастеров, начиная от каменных скребков и наконечников для стрел и копий и кончая золотыми украшениями. По-видимому, Пашка-Мозоль собирался отойти от бесконечных командировок и осесть в тихом кабинетике фирмы, которой я руководил. Но Мозоль чересчур много знал обо мне, о моих прошлых делах, чтобы ввести его в фирму простым клерком. Придется сразу назначить на руководящую должность.

Словно в подтверждение моих мыслей, Мозоль заявил:

– Хочу поработать в центральном офисе. Как вы на это смотрите?

– Паша, – попытался я его образумить, – ты у нас лучший специалист по разъездной работе, так сказать, главный гробокопатель фирмы. Ну и не суйся ты к бюрократам, там и без тебя бездельников хоть пруд пруди... Увольнять же никого нельзя, только дай зацепку налоговой полиции! Она тебя по миру пустит. А так льготы и уважение от администрации округа, как-никак мы создаем в нашей фирме новые рабочие места, решаем вопрос с безработицей...

– Иван Николаевич, – усмехнулся Пашка, – вот только не надо мне лапшу на уши вешать! Понимаешь? Я чертовски устал, и если вы не сделаете мне хорошо, то я сделаю вам вдвойне плохо, как говорят у них в Одессе.

– Ты что же, мне угрожать вздумал? – усмехнулся я.

– Да нет, просто напоминаю, что я про вас знаю очень много. Про появление ваших капиталов, которые вы нахапали еще тогда, когда работали на военных стройках в качестве прораба. А уж про теперешние ваши счета в иностранных банках я вообще даже не намекаю. Заметьте это и оцените по достоинству. В общем, я еду в последнюю командировку, а потом вы меня официально назначаете своим заместителем по коммерции, что ли... И вводите в правление!

Я поставил недопитую кружку на стол, выплюнул шелуху от вареной креветки и как мог спокойнее ответил:

– Я подумаю над твоим предложением. Но сначала тебе все же придется съездить на недельку в Бразилию...

«Оттуда ты вряд ли вернешься живым...» Последнюю фразу я, конечно же, произнес про себя, зачем волновать человека раньше времени. И еще подумал о том, как плохо все же знает Мозоль мое положение в фирме. Дело в том, что я не являлся официальным руководителем,

как он предполагал, я был тeneвым боссом, а это существенно меняло дело. Я не собирался навязывать подставному директору своих людей, каждый обязан знать свое место. К тому же зачем мне нарушать правила игры, которые я сам и придумал?

Вернувшись домой, я первым делом осмотрел ордена, полученные от Мозоля. Меня сразу же насторожил тот факт, что по крайней мере одного ордена в шкатулке не хватало. Я хорошо запомнил то, что говорил мне юный шалопай Вадик-Шмыга. В шкатулке должны были непременно находиться вместе с другими орденами Святого равноапостольного князя Владимира первой степени и орден Белого Орла. Но если первый орден я отыскал сразу, то второго на месте не оказалось.

Стало быть, господин Мозоль все же решился на свою игру в нашем альянсе, подумалось мне. Что же, этим он сделает свою собственную кончину еще более мучительной...

Буров

Усатый опер неожиданно позвал понятых в спальню, где, торжественно помахав руками, точно фокусник, жаждущий аплодисментов, открыл заднюю панель телевизора «Панасоник», на котором стоял еще и видеомэгаффон той же системы.

– Обратите внимание на это, – сказал он, вытаскивая из телевизора бумажный сверток. – Как видите, тут находится явно чужеродная «деталь», которую японцы при всех своих талантах в электронике придумать никак не могли...

Развернув сверток, опер вынул звезду и крест.

– Это орден Святого равноапостольного князя Владимира, – с дрожью в голосе проговорил Валерий Буланов, тихо подошедший к нам вместе со следователем Стороженко.

– Я всегда говорил, что каждому «изобретателю» подобных тайников можно спокойно выдавать авторское свидетельство, – пошутил Стороженко, у которого от этой находки явно поднялось настроение. – Опишем этот орден в протоколе.

Через мгновение Стороженко опять сидел за столом и, отодвинув в сторону разложенные стопками банкноты, внимательно разглядывал знаки ордена. Потом он взял ручку, пододвинул к себе лист бумаги и начал что-то быстро записывать.

Когда среди «команды» Стороженко появился сухопарый старичок в очках и с седой бородкой клинышком, типичный представитель академической профессуры, Буров даже и не заметил. Однако чувствовал старичок себя в чужом доме довольно уверенно, видимо, не раз участвовал в подобных следственных мероприятиях. Подойдя к столу, он взял стул и без спроса уселся рядом со следователем.

– Что скажете, Илья Филиппович, относительно этих знаков? Я пригласил вас для консультации как доктора исторических наук, профессора... – проговорил Стороженко.

– Извините, что несколько запоздал. Знаете ли, читал лекцию в университете...

Только теперь Буров вспомнил фамилию этого человека, чьи выступления неоднократно видел по телевизору в программах телеканала «Культура». Это был профессор Полянский.

– Несомненно, эти знаки принадлежат российскому ордену, учрежденному императрицей Екатериной Великой в день двадцатой годовщины ее восшествия на престол, – сказал профессор Полянский, почтительно подержав в руках звезду и крест. – Ну, вы, наверное, знаете, что святой патрон этого ордена – великий князь Владимир Киевский, немало сделавший для расширения границ Древней Руси. Во времена его правления Русь приняла христианство, и потому он был канонизирован церковью как святой равноапостольный князь...

Буров не знал, чем это объяснить, но рассказ профессора все дальше и дальше уводил его от мыслей о виновниках похищения этих орденов, погружая в глубинные изыскания. Какие-то бледные образы теснились в его сознании, приоткрывая двери в давно минувшее. Видимо, знаки ордена, как и любая другая вещь, несли в себе, в своем информационном поле, интереснейший материал, знания, которые могли помочь ему более основательно и глубоко разобраться во всем этом деле. И он перестал противиться потоку информации, исходившей от орденских знаков.

Его сознание медленно погружалось в прошлое, фиксируя отдельные картинки давней московской жизни. Он видел Кремль за речной гладью, до которого можно было добраться только на лодке, видел лодочников, торговавших вразнос всякой всячиной на Кузнецком мосту, наблюдал за дракой пьяных извозчиков, не поделивших седока...

Наконец круговерть множества мелких картинок вытеснила одна большая красочная картина, изображавшая разношерстную публику в зале. Несомненно, Буров находился в зале Московского окружного суда, где с участием присяжных заседателей слушалось дело «Клуба червонных валетов». Но еще более удивительным было то, что он мог назвать с точностью до дня,

когда происходило это событие. То было 1 марта 1877 года по старому стилю. Больше того! Он знал, что теперь его зовут Александром Мазуриным и находится он среди других сорока пяти подсудимых.

Странное дело, но Мазурин почему-то совсем не боялся плачевного исхода лично для себя – ведь он не пожалел денег, чтобы нанять отличного адвоката, и теперь с нетерпением ожидал его защитной речи. Однако знаменитому господину Плевако все еще не давали слова...

– Напоминаю, господа, всем присутствующим в зале, – говорил председательствующий суда, мужчина средних лет с одутловатым лицом и большими лобными залысинами, – что в августе 1871 года начато следствие о получении с дворянина Еремеева, после приведения его в состояние беспамятства, безденежных обязательств на крупную сумму. Обвинение пало на дворянина Давидовского и мещанина Шпейера. Во время расследования одного преступления обнаружилось и многие другие, в которых участвовали не только указанные выше лица. Все они оказались между собой связанными и выступали как сообщники. Члены этой преступной группы, выдавая себя за очень состоятельных людей, за чиновников, занимавших высокопоставленные посты, мошенническими путями собирали у доверчивых большие суммы денег и обещали вернуть их с большими процентами. Кроме того, они объявляли безработным, что на якобы принадлежавших им заводах имеются свободные места, и под видом найма брали с них залогов. Кроме того, они продавали несуществующие земли, учитывали безденежные векселя, продавали чужое имущество и прочее, и прочее. Для внушения своим клиентам полного доверия они имели в своем распоряжении билеты на вклады в различных банках. Билеты эти они закладывали и продавали. Таким образом, преступная группа получила от этих мошеннических операций около трехсот тысяч рублей. Всеми этими лицами, коих на скамье подсудимых сорок пять, в течение восьми лет, то есть с 1867 по 1875 год, было совершено пятьдесят шесть преступных эпизодов в Москве, Петербурге, Туле, Тамбове и Нижнем Новгороде.

Эти каждодневные напоминания председательствующего навязли в зубах, и Мазурин пропустил их. Ожидая выступления поверенного Федора Плевако, он вспоминал свои похождения. Разъезжая по губернским и уездным городам, всеми правдами и неправдами добывал он старинные российские ордена для богатого клиента купца первой гильдии Матвея Автандиловича Троицкого, страстного любителя и почитателя старины.

Самым первым из добытых им орденов стал орден Святого Владимира первой степени. Он принадлежал генерал-фельдмаршалу графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину, которого тот был удостоен в 1789 году за успешное отражение четырнадцатитысячной армией россиян нападения тридцатитысячной шведской армии, руководимой лично королем шведским Густавом Третьим.

Тот орден достался ему при следующих обстоятельствах...

Мазурин

С лакеем Алексашкой, прислуживавшим в загородном имении графа Владимира Владимировича Мусина-Пушкина, Мазурин познакомился в один из ненастных осенних вечеров на постоялом дворе, куда часто забегали любители выпить со всей округи. Пропустив пару стаканчиков за счет Мазурина, Алексашка разоткровенничался:

– Наша матушка-графиня, урожденная Елизавета Бекман, сожительствовала с графом Владимиром Владимировичем ажно с 1861 года. Но поскольку у нее детей от графа не случилось, то он и жениться на ней не желал. А тут вдруг она сказала ему по секрету, что готовится стать матерью. Граф, как честный человек, тотчас принял решение сочетаться с Елизаветой Иммануиловной законным браком по церковному обряду. Но уже в то время брат графа Алексей Владимирович заподозрил Бекман, как он сказал, в «инсинуациях»... Барское слово! Черт его знает, что оно означает... Только младший брат твердо заявил, что у нашей барыни-сударыни никакой беременности нет и в помине. Что, кстати, подтверждал и местный дохтур, вызванный графом для освидетельствования беременной. Тем не менее Владимир Владимирович как-то ночью разбудил всех домочадцев и прислугу и сообщил радостную весть, что его законная супруга удачно разрешилась от бремени и родила дочь. А третьего октября девочку окрестили, назвав Александрой, и занесли в метрические книги законной дочерью графа. По этому случаю граф и позволил нам отлучиться из дома и удариться в загул. А я вот решил выпить за здоровье новорожденной...

Мазурин сразу почувствовал в этой истории запах жареного и потому заказал еще штоф водки, угостил Алексашку и стал его расспрашивать о подробностях. Наконец тот признался, что барыня держала все время возле себя двадцатилетнюю крестьянку Аграфену Азаеву. Вот та действительно была на сносях...

Большого Мазурину знать и не требовалось. Вооружившись пером, бумагой и чернильницей, он вернулся в свой номер и принялся сочинять послание дворянину Мусину-Пушкину. В том письме имелись и такие слова: «...Если Вы не желаете, чтобы позорная история, связанная с появлением на свет незаконнорожденной дочери Александры, стала известна всем, то можете купить мое молчание. Цена сравнительно невелика – знаки ордена Владимира, принадлежавшие Вашему прадеду генерал-фельдмаршалу Мусину-Пушкину... Встретимся 4 октября вечером у Лебяжьего пруда. Ваш Доброжелатель».

И эта встреча состоялась. Больной граф с трудом дотащился до указанного места. При нем находились требуемые регалии. Поначалу он согласился расстаться с семейной реликвией, только бы не навредить любимой женщине и ее ребенку. Он до последнего момента не верил в то, что был обманут супругой. Завидя же Мазурина, граф переменял свои намерения. Тяжело опираясь на трость, он подошел к нему и тут же спросил:

– Почему это вы так уверены, что Сашенька не моя родная дочь?

– У меня есть серьезные основания так считать, – ответил Мазурин.

– Я не стану вас допрашивать, – печально произнес Владимир Владимирович, держась за грудь (похоже, у него сильно болело сердце). – Однако я решил ордена вам не отдавать! Хотя и собирался сделать подобную глупость в самом начале. Но меня не поймут родственники и осудят потомки. Этот орден никогда не покинет стен родовой усадьбы нашей семьи! Слышите вы меня, бесчестный человек?! – Граф, не выдержав взятого тона, уже кричал, потрясая набалдашником трости перед его физиономией.

Однако Мазурин был готов ко всему. Не торопясь, достал пистолет и, взведя курок, наставил его на графа.

Неизвестно, что больше подействовало на Владимира Владимировича – испуг ли от вида заряженного оружия, собственное ли нервическое состояние, но только сердце его не выдержало, и граф, помертвев лицом, медленно опустился на колени и завалился на бок.

Вынув из кармана графского сюртука орденские знаки, Мазурин переложил их в свой карман и быстро ретировался через лес к дорожному тракту, где его поджидала коляска.

«Купец Троицкий будет доволен подобным приобретением для своей коллекции и не постоит за ценой», – думал он, подгоняя кучера, сидевшего на облучке.

Несколько позднее Мазурин узнал, чем кончилось дело в графской семье. Смерть Владимира Владимировича была приписана естественным причинам, и специального дознания по этому поводу не проводилось. А вот с его дочерью Александрой дело вышло громкое, на всю Российскую империю. Через пять лет после рождения Александры граф Алексей Владимирович Мусин-Пушкин заявил судейским чинам, что выдаваемый женою брата за своего ребенок рожден вовсе не ею, а находившейся у нее в услужении крестьянкой Азаевой и что это сделано его невесткой в целях закрепления за собой имущества его покойного брата.

Со слов Азаевой выяснили следующее: графиня, заметив ее беременность, уговорила отдать ей будущего ребенка. Для родов молодую женщину отправили в Москву, но с дороги тайно возвратили и поместили в сенях барского дома, рядом со спальней графини, где молодая женщина находилась до тех пор, пока не оправилась от родов. Рожденный ею ребенок был тут же у нее отобран и передан графине.

После смерти графа Владимира Владимировича его вдова долго не печалилась и вскоре вышла замуж вторично за мещанина Азбукина. Она показала, что дочь Александра рождена именно ею, и что рассказ служанки Азаевой полностью вымышлен. Затем через полгода она изменила свои показания, поведав, что ребенок рожден не ею, а привезен ее первым мужем после того, как у нее в Москве за неделю до этого случая произошел выкидыш, и что муж сам уговорил ее выдать этого ребенка за своего.

И все же Бекман-Мусина-Пушкина-Азбукина неожиданно отказалась от последнего объяснения, заявив, что дала его по уговору поверенного графа Алексея Владимировича, пообещавшего ей за это сто тысяч рублей, и поддержала первоначальное объяснение.

Однако показания врача, лечившего графиню от заболевания, при котором никакая беременность не могла быть доношена, все поставили на свои места. Присяжные заседатели пришли к выводу, что бывшая графиня симулировала беременность, а значит, должна была быть обвинена в подлоге в актах о рождении ребенка по 1441 статье Уложения о наказаниях Российской империи.

Дело это слушалось в Московском окружном суде 24 января 1873 года. Гражданский иск со стороны графа А.В. Мусина-Пушкина поддерживал все тот же Плевако, который, как всегда, мастерски справился со своими обязанностями. В результате решением суда бывшая графиня была признана виновной в подлоге, и у нее отобрали ребенка, передав его Аграфене Азаевой, настоящей матери девочки...

Буров

Все-таки его профессия давала о себе знать. Получив информацию из прошлого, он сразу же попытался продиагностировать болезни членов графской семьи. И если диагноз заболевания, от которого почил граф, ему был ясен сразу – у графа была ишемическая болезнь сердца, и он умер от обширного инфаркта, – то болезнь графини, помешавшая ей иметь собственного ребенка, заставила врача-экстрасенса всерьез задуматься. Наконец он пришел к выводу, что она страдала гипертериозом, а точнее – токсической аденомой, из-за чего и не могла нормально выносить плод.

Усатый опер вновь призвал их в самую большую комнату обыскиваемой квартиры.

– Виталий Севастьянович и Алла Борисовна, прошу вас засвидетельствовать изъятие вот этих вещей, – сказал он.

Буров увидел письменный стол, ящики из которого находились на полу. И все же именно там, в столе, сыскари обнаружили еще один тайник и извлекли из него несколько забавных фигурок, изображавших рыцаря-крестоносца на коне и пять его пеших слуг – драбантов. Статуэтки, похоже, были из чистого золота...

И опять сознание экстрасенса заполнилось образами каких-то людей в странных одеждах, картинами давно прошедших событий. Однако прошлое в его видениях было увязано с событиями совсем недавними. Вот одна-то из этих картин, изображавшая длинноволосого субъекта по кличке Мозоль, задержала его внимание...

Прохоров-Мозоль

...Поездка во Францию запомнилась мне особенно четко. Именно там я познакомился с двумя неординарными людьми, которые так или иначе сыграли большую роль в моей судьбе...

Первым был француз русского происхождения Максим Воздвиженский. Вторым – американец Джон Джонсон. Впрочем, не буду забегать вперед.

В Париж я поехал для того, чтобы наладить контакты с группой тамошних скупщиков антиквариата, которую возглавлял моложавый человек в темных очках. Его-то и звали Максимом, хотя сам он предпочитал, чтобы его называли просто Максом.

Он встретил меня в аэропорту «Шарль де Голль» и на своей машине марки «рено» повез через центр Парижа в район Латинского квартала.

– У меня свой отель, который так и называется – «Максим», – пояснил мне по дороге Воздвиженский. – Там нас уже поджидают мои компаньоны. Поговорим о делах, а потом я предоставлю вам возможность совершить прогулку по Парижу. Собор Парижской Богоматери, Лувр, Елисейские Поля, Триумфальная арка... Что пожелаете!

– Очень хорошо, – умильно произнес я, разглядывая, как в калейдоскопе, парижские улицы, мелькавшие за ветровыми стеклами автомобиля.

К отелю, длинному трехэтажному дому, увитому плющом, мы подъехали, когда на улице начинало темнеть.

– Прошу в мой дом, – несколько высокопарно проговорил Макс, помогая мне вылезти из машины. – В моем ресторанчике при отеле нас ожидают накрытый стол и приятная застольная беседа с близкими по духу людьми. Я надеюсь, что вы с нами сработаетесь! Между прочим, ваш шеф, мсье Телегин, остался доволен нашим гостеприимством и радушием...

Воздвиженский не соврал. В небольшом ресторанчике при отеле действительно был накрыт стол, и нас с нетерпением поджидало пятеро молодых людей, старшему из которых, моему, не было и тридцати, а младшему – восемнадцати. Кроме них, в уютном зале не было ни души.

– Знакомьтесь, – сказал Макс, представляя своих друзей.

– Пьер, Жорж, Мишель, Серж и самый младший Пти-Андрэ. Прошу любить и жаловать. Давайте нальем сразу же бокалы и выпьем за процветание нашего совместного дела.

Мы выпили. Закусили. Снова выпили. А потом пили, уже не закусывая. Откровенный разговор завязался где-то после третьей-четвертой рюмки «Наполеона». Причем никому из нас совершенно не мешал языковой барьер. Я говорил по-русски, они по-французски, но Макс оказался классным переводчиком, и потому разговор лился естественно и без излишнего напряжения.

– Так вы собираетесь поработать на раскопках в Ираке? – спросил старший по возрасту, Пьер, лысоватый брюнет с протезом на месте правого глаза.

– Совершенно верно, – кивнул я.

– Нас очень интересуют результаты вашей работы, и мы даже готовы брать оттуда любой материал...

– Кроме мелочевки! – уточнил Пти-Андрэ, у которого на левой щеке обозначился рубец от ножевого удара.

– Да, мелочевку можете забрать для своих целей. Вы же изготавливаете сувениры, насколько я осведомлен? – поддержал его Пьер, раскуривая трубку. – В прошлый свой приезд мсье Телегин показал нам некоторые образцы будущих серий. Неплохо! Мы даже согласились заключить с ним контракт на продажу этих изделий через сеть наших антикварных лавок во Франции. Но это будет позже, так сказать, в перспективе. Сейчас же нас интересуют более дорогостоящие археологические находки. К примеру...

– Включите телевизор! – довольно грубо перебил старшего Пти-Андрэ.

– Да, да! – подхватил его слова Пьер. – Жорж, не сочтите за труд включить телевизор...

Толстый увалень Жорж сидел к телевизору спиной, и ему пришлось подняться из-за стола, опрокинув стул, и нетвердой походкой подвыпившего человека подойти к стойке бара, где находился телевизор с большим экраном. Он включил его и присел на вращающийся стул у стойки.

По телевизору передавали новости дня. Неожиданно на экране появились прекрасные золотые статуэтки, изображавшие рыцаря и его эскорт, – я насчитал их пятнадцать штук.

«Интерпол сообщает, – вещал диктор. – Международная банда музейных грабителей вчера ночью проникла через канализационный канал в хорошо охраняемый выставочный зал на улице Крепелинерштрассе, что в немецком городе Ростоке, и, вскрыв сейф, выкрала уникальные статуэтки из золота, некогда принадлежавшие небезызвестному ордену крестоносцев. Позже их приобрел французский миллиардер барон Давид де Ротшильд, который вот уже семнадцать лет является бессменным мэром города Понт-Эвек. За любую информацию о похищенных драгоценностях из коллекции барона он назначил сумму в...»

– Выключи, Жорж! – махнул рукой Пьер и снова повернулся в мою сторону. – Вот такие вещицы нам подошли бы... Кстати, можете полюбоваться на эти статуэтки. Не на слайде, что показывали телевизионщики, а прямо в натуральном виде, – небрежно проговорил он и щелкнул пальцами.

Кажется, это был Мишель или Серж, я точно не помню. Только кто-то из них извлек из-под стола небольшой кофр, напоминавший сумку для переноски фотоаппаратуры, открыл его и вытащил оттуда одну за другой все пятнадцать фигурок, поставив их на стол в форме боевого каре.

– Вот это да! – вскричал я.

Только теперь до меня дошло, с кем я имею дело. С такими ребятами нужно держать ухо востро.

– Эти статуэтки вам передадут в Москве, а вы отдадите их мсье Телегину. Они приглянулись ему на выставке в Ростоке... – проговорил Пьер. – К сожалению, Павел, вам придется обратно тащиться на поезде...

– Пьер, но ведь поезд Париж – Москва отменен! – опять вмешался Пти-Андрэ.

– Ничего, Павел доберется на поезде Брюссель – Москва, идущем через Париж ежедневно. В этом поезде у нас есть свои люди и свои тайники... А что касается платы за эти безделушки, то вы отработаете все до франка на раскопках в Ираке.

«Вот теперь все ясно, – подумалось мне. – Понятно, почему я оказался в Париже. Все же темнила этот Телегин! Нет бы сразу предупредить, все рассказать, а он норовит это сделать через третьих лиц, конспиратор хренов!»

Ночь прошла сравнительно спокойно. А утром Макс потащил меня показывать Париж, при этом болтая без умолку.

– Франция! О, Франция! О ее истории можно рассказывать часами. Сначала эти земли заселяли кельты, а саму страну называли Галлия. Позже сюда пожаловали завоеватели-римляне, и Франция стала провинцией в составе Римской империи. До сих пор об этой эпохе напоминает название Прованс. В третьей четверти пятого века нашей эры юный предводитель франков Хлодвиг отвоевал их последние владения. Ему же принадлежит пальма первенства в выборе религии для народа страны. Это, как вы уже знаете, христианство. Затем на политической арене появляется легендарная фигура Карла Великого...

Признаться, Макс мне изрядно поднадоел своими рассказами, и я полностью переключился на собственные мысли. А они, надо сказать, не отличались какой-то глубиной и значимостью. Просто-напросто, когда я собирался в Париж, у меня возникло одно-единственное желание посетить дорогой французский бордель. И чтобы в нем девочки были разноцветные...

Не знаю почему, но картины моих любовных утех с двумя-тремя француженками сразу просто стояли у меня перед глазами. А этот придурок Макс талдычил о Карле Великом...

Но впереди меня ожидало еще более тяжелое испытание, когда Макс притащил меня в Лувр и начал водить по его многочисленным залам.

– Вот! Вот! – поминутно вскрикивал он. – Возможно, здесь, в этом самом узком помещении, Анна Австрийская благодарил будущего капитана мушкетеров, а затем и маршала Франции гасконца д'Артаньяна за вовремя доставленные бриллиантовые подвески! В этих залах, ходах и переходах вся история Франции, как подлинная, так и литературная! Здесь зрели заговоры, здесь решали, сжечь Жанну д'Арк или не стоит. А Генрих Четвертый, принявший католичество и сам же зарезанный католическим фанатиком!.. А Варфоломеевская ночь! Тогда только в Париже одновременно было вырезано две тысячи человек! А Великая французская революция!..

– Слушай, Макс! А не пошел бы ты куда подальше! – не выдержал я. – Лучше скажи, где тут сортир в твоём хваленом Лувре. И еще... Я хочу посетить значные места Парижа. Уловил просьбу?

Но этот тип опять меня не понял, затащив в так называемый «американский» бар. Девочек напрокат там не давали. Зато абсолютно обнаженных официанток было хоть отбавляй, и все разноцветные, у меня даже в глазах зарябило!..

– Максик, – как мог любезнее проговорил я, допив свой «бурбон» со льдом. – Ты замечательный парень!.. Но пойми, черт бы тебя подрал! Скажи честно... Ты мужик или педик? Все эти девочки только для онанизма. Я же хочу внутрь! Ты меня понимаешь?..

– А! – Только теперь дошло до моего гида, что мне было нужно. – Тогда поедem в «Галерею Сен-Дени»!

– Какая еще, к черту, галерея?! Мне бабу надо! Теплую бабу с сиськами...

– И я о том же, – усмехнулся Макс. – Поехали, не пожалеешь...

Через полчаса мы оказались в самом центре Парижа на узкой древней улочке.

– Выбирай! – сказал Макс, медленно ведя машину.

Я посмотрел по сторонам и увидел в хорошо освещенных витринах обнаженных див на любой вкус, призывно изгибающихся и при этом столь сладко улыбающихся, что у меня запершило в горле.

Не знаю почему, но я выбрал типичную славянку с большими грудями-шарами и здоровенными бедрами чуть ли не во всю витрину, наверное, она показалась мне как-то роднее и доступнее в этом разноплеменном вертепе разврата. Выскочив из машины, я чуть ли не бегом преодолел несколько метров, отделявших меня от вожделенного входа в блаженство, и, как ветер, ворвался в небольшую грязноватую комнату, залитую обжигающе ярким светом, как при киносъёмках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.